

СМЕРТЬ ПОЭТА

Труж. — 1997. — фект. — е. ч.

Год назад на Владимирщине
умер от голода Марат Виридарский

Жил-был поэт на святой Руси — в городе, славном своими памятниками и храмами, в районе, который называют Загородным парком: там сосны — словно звонкие струны, перебираемые лучами, и в крохотных озерах нежатся на темной холодной воде белые лилии...

Жизнь у поэта была тяжелая, но он находил в себе силы оторваться душой от тяжестей земного быта, чтобы написать:

*В распахавших облаках созвездия видны,
И я люблю, в покой укутав плечи,
Приблизить взглядом дальние миры
И помечтать о нереальной встрече.
И пожалеть, что голос не домчит
До них сквозь светолетья расстоянья.
Мы, может, с ними об одном молчим,
Глаза в глаза смотреть не уставая...*

Имя поэта — Марат Виридарский. Он сумел сотворить свой — снежный и звездный, призрачный и яркий мир, в котором многое кажется несочетаемым, непривычным. В самой судьбе поэта все было сплетено из противоречий — и в то же время скреплено железной нитью закономерностей эпохи, в которую он жил.

Марат был сыном заместителя управляющего КВЖД, родился в Маньчжурии. Затем его отец Владимир Иванович Виридарский работал секретарем Сталинградского обкома ВКП(б). В 37-м отца перевели на должность представителя области в Москве. Перевод был связан с предстоящим арестом.

— Семья Виридарских, — рассказывает владимирский журналист Владимир Пекарев, много лет друживший с Маратом, — была в ходе репрессий разгромлена. «Врагами народа» оказались сразу 8 человек... Четверо расстреляны, остальные пошли за колючую проволоку. Судьба Марата стала продолжением судьбы его репрессированной семьи.

Поэт писал, что его несло по жизни «на вороних ветрах». Он побывал в спецприемнике, затем с 14 лет работал на заводе, у станка, а в 1947 году по доносу был отправлен в лагерь. «Была у парня мамочка — осталась фотокарточка, осталась крест на ленточке да в окнах — прутья в клеточку», — писал Марат о себе. Волковстрой, Котлас, железнодорожная магистраль «Воркута — Ленинград», канал «Волго-Дон» — эти этапы прошел молодой поэт через всю Россию, которая «распростерлась от Рая до Ада»...

Его освободили по амнистии в 1953-м. В Москву вернуться не удалось, и это было окончательно. Марат оказался в ссылке — «под городом Горьким, где ясные зорьки», как пели в те времена. Его тянуло в столицу. Однажды он встретился в поезде с заместителем

директора и председателем профкома знаменитого Владимирского тракторного завода. Разговорились, разоткровенничались. Марат рассказал, что он всерьез увлекается футболом, неплохо стоит в воротах. И надо же такому случиться, что владимирской команде как раз требовался хороший вратарь. В общем, его пригласили — попробоваться, и он прошел испытание, и вскоре заслужил уважение владимирских болельщиков.

Но одновременно он получил также быстро признание как самобытный поэт. Истинные мастера сразу поняли, талантом какой силы обладает Марат. Его опекали Алексей Фатьянов и известный владимирский прозаик Сергей Никитин. Его стихи пришли по душе Белле Ахмадулиной, Владимиру Кострову, Николаю Глазкову. Андрей Вознесенский, не раз принимавший деятельное участие в судьбе Марата, щедро подписал ему свою книгу: «Маратишу от Андриюхи. Но «Андриюха» — это только для тебя».

В конце 60-х Виридарского рекомендовали в Союз писателей СССР. Однако чиновников от социализма смутила нестандартная биография поэта. Под благовидным предлогом ему в приеме отказали.

*Спешат с холмов березки, множась,
Все на одно лицо. Лови...
Как беззащитная непохожесть
На щедром празднике любви!..* — писал он с горечью. Как черная птица преследовала Марата несправедливость и загнала его в жизненный тупик. Марат запил, и с ним стало происходить все, что происходит у нас обыкновенно с пьющим человеком. Самым страшным ударом стал отъезд на родину в Новосибирск его любимой жены, красавицы сибирячки Натальи, которой он посвятил не одно стихотворение.

— Он попросил меня дать ей телеграмму, вызвать на переговоры, — вспоминает В. Пекарев. — Он считал, что меня, его ближайшего друга, она послушает... Но Наталья устала, она уехала тайком, оставив записку. Я знал, что она не вернется...

Марат писал в то трудное для него время:

*А ты не идешь, будто чаешь погоды.
Ужели и ты не познаешь вовек,
Что тает, как льдинка, в ладони природы,
Один на Галактику — твой человек!*

Долго на страницах владимирских газет не появлялись Маратовы стихи. Но именно в этот период, о котором поэт так пронзительно сказал: «Все выше слог высокий, и все невыносимей — одиночество», — именно тогда им были написаны лучшие его стихи. И он тогда, не переставая, шлифовал свою замечательную поэму «Журавли», ставшую реквиемом по погибшим в ГУЛАГе его родным и друзьям, посвященную расстрелянному отцу. В заключительной главе этой поэмы есть такие слова:

Да что тут больно понимать?

Не столь мудро явление.

Спокон Россия тащит клать

Из дураков и гениев...

И мчит, сшибая образа

Под два прихлопа, три приптопа

Общероссийская буза, —

Дитя идейного потопа...

В Союз писателей Марат Виридарский был принят только в 1995 году, и «просочиться» ему в этой организации пришлось всего-навсего год. И вот что надо отметить. Если внутренняя жизнь Марата резко выделялась из общего ряда, то тихая, незаметная, но оттого еще более трагическая смерть поэта относится, как пишут в таких случаях, к разряду типических.

Дело в том, что умер поэт Марат Виридарский от голода, пребывая в полной нищете.

Как могло такое случиться? (Кстати, раньше в конце этого вопроса стояло бы: «в наше время»). Сейчас, увы, такая постановка выглядит риторической... Последние восемь лет Марат не пил. Да и куда было пить — перенес два инфаркта. До пенсии поэт занимался в основном сбором грибов и ягод, которые относил на рынок. Там он и познакомился со своей последней женой, рядом торговли. Но не только общий промысел объединил этих таких разных людей. Евгений смог принять Марата таким, какой он был. Она сама не имела во Владимире ни работы, ни жилища. У нее тоже очень непростая судьба и ей было легче приблизиться к бесприютной душе поэта.

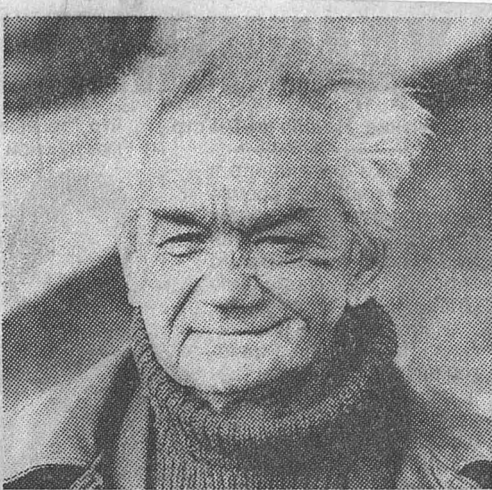
По фонарям, по веткам, крышам

Луны буксует колесо.

Витрины, походя, колышут

Мое усталое лицо...

А по пятам моим неслышно

*Крадется хищное затишье,
Чтоб дожидать к исходу дня
Все, что осталось от меня.*

Все, кто посещал Марата в последние месяцы его жизни, видели и понимали его обреченность. У него отказывали ноги, и ни о каких походах в лес за грибами речи быть уже не могло. Крохотной пенсии, на которую они жили вдвоем, едва хватало на хлеб и курево, но к середине 96-го и эти мизерные деньги государство стало задерживать. А целых два месяца, как вы, может быть, помните, дорогие читатели, не выплачивалось вообще ничего...

А где же был Союз писателей, спросите вы, почему он позволил поэту умереть от голода? Что сказать? Положение писателя во Владимирской области (не берусь судить о других местах) настолько унижительное, что по рангу его вполне можно сравнить с бомжем.

— Марата посещали писатели Юрий Шиканов, Николай Лалакин, — говорит ответственный секретарь Владимирского областного отделения СП России В. Акулинин, — и я бывал у него неоднократно. И официально несколько раз обращался за помощью в областную администрацию, но помощь подоспела поздно...

Первой ушла Евгения. Марат пережил ее буквально на десять дней. Сутки, пока милиция спорила с врачами: кому следует забрать тело, поэт лежал бездыханный на полу в запертой квартире.

Денег на похороны в Союзе писателей не было. В. Акулинин как руководитель писательской организации вновь обратился в администрацию области. Там все же выделили для Марата Виридарского и умершего чуть раньше писателя Спартака Ахметова по 500 тысяч «похоронных».

Одновременно. Чтобы закрыть этот «писательский вопрос».

...В августе в писательской организации отмечали годовщину. Горько было еще и от того, что над могилой Марата до сих пор нет даже простого креста.

Жил в православном городе Владимире Поэт...

Анвар ТАВОВОВ.